

The background of the entire cover is an abstract, dense pattern of colorful splatters and thin, intersecting lines in shades of red, yellow, blue, and white, resembling a Jackson Pollock-style painting.

Андрей Бушин

Талисман

Юмористический детектив

0+

Андрей Николаевич Бушин
Талисман.
Юмористический детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43628523

SelfPub; 2019

Аннотация

Растрепай и фантазер, романтик и обормот, авантюрист и пройдоха берётся за дело и начинает балаган... Пусть вам будет смешно. Пусть у них у всех всё получится... Улыбнитесь!

1.

– Ну и как ты докажешь, что обычный человек? Майор фсбэшно-корректно и очень как ему показалось, значительно, глянул на Виктора.

– А что, презумпция обычности на меня уже не действует? То, что кому-то там в вашем богоугодном заведении помешалось, гнусный поклеп и фантазии. Пить надо меньше. Или больше. Тем более у вас... Бред несете, благо погоны позволяют. Прости, мы же вроде на ты? Мне идти на работу надо. Пользу приносить. Трудоголик я...

Виктору было скучно и абсолютно неинтересно. Тоже мне, друг отрочества. В покер научись сначала играть. Про преферанс вообще умолчим. Сразу видно, что звезд с неба никаких. Да и на погоны тоже.

– Не хами, сосед по родине. Капитан, который про тебя рассказал, ничего не выдумывал, он проверил все. Тебе везет, как-то странно. Всю жизнь под дурака и всё время выкручиваешься. Превышение у тебя лимита удачи. Необъяснимое и значительное.

– Так ты за этим меня нашел через столько лет? Сказочки. Представляешь, до суда дойдёт? Судится раб Божий за превышение нормы чудес. Постановляем – отобрать у бездаря волшебну палку и отправить в НАХ. Ну или просто нах.

– Ну понес... Думаешь, не понимаю, что бред? Иди на работу, справку отмечу... Голос был настолько погасший, что Виктору немедленно стало стыдно.

—Ладно, не злись. Зачем по-серьезке то звал?

— Понимаешь, в нашем захолустье, оказывается, уже очень много лет кто-то под маньяка работал. Менты никогда не хватались, глушили вроде одну мразь, город чище. Ну и дела, вроде как разные. А молодой следак умник, родственничек прокурорский взял и последние дела поднял, когда непростого чела вальнули. А потом и все остальные до кучи нарисовались. Серийник у них теперь с офигенным стажем.

— Ну и флаг им. Нехай побегают. Ты здесь каким боком?

— Понимаешь, не объяснишь тут...Я её люблю, со школы еще. Сумашедше и навсегда. Я так счастлив был. Так боялся, что не глянусь. Не смейся, чудило. Сам не рад. А она уйдет. Застрял я в майорах, дальше не прыгну. Ничего нет, и не будет. А это шанс. Маленький, но хоть такой. Дело в столице на контроле. Последний жмур там корешей имел.

— Замечательно и познавательно. И ты думаешь, что это я...

— Очень смешно и тонко. Я вот много слушал юмора. Всё это барахло перед такой замечательной, смешнейшей шуткой. Умница.

— А!!! Я, как талисман нужен! Призвал господь оказать помощь посильную в делах ваших скорбных.

— Вот смотри, зачем позвал. Виктор открыл протянутую папку.

— Слушай, майор, это же математика, вот те крест. Формулы какие большие...Высше-высшая. Тебе в РАН нужно.

Откуда сие чудо?

– Перельмана знаешь?

– Занимательная физика?

– Нет, Сына его.

– А, математика знаменитого? Нет, лично, поверь, нет. Станный чел. Всем всё доказал, а от таких денег отказался... Я, помню, год от зависти подыхал и бесился еще три.

– Да я догадался, что лично нет. Он умней слегка и живет не рядом. Опять же, в пивных не отирается.

– Ну, это вообще не по теме, когда это я в пивняках зави-сал?! Театры, консерватории...

– Цирк твой уровень. А зоопарк – место прописки. Коро-че, доказал он в 2002.

– Ну, не помню.

– А эти три листа с первого дела. С 1990.

– Ну дак, думаешь Перельман??? То-то я сразу на него думал... Гений, одно слово. Алиби его беги проверять. Полковником обратно прибежишь....

Костя-майор молча ждал и, потеряв единственного зрителя, Виктор затух.

– Ладно. Я зачем?

– Ты только ничего не говори. Пусть бы он всех поубивал, нас не трогал. Но я её не могу потерять. Плохо мне. Я с капитаном, знакомцем твоим случайно пересекаюсь. От него про тебя узнал. Поржали. А я возьми и вспомни, как ты мне ска-зал что поступлю. С деревни, без учителей в лучший ВУЗ.

А подробности биографии с личной жизнью...

– Её отсутствием!

–... сам проверил и загадал. Поможешь мне. Удачу ты приносишь. А мне она очень нужна. Чуть-чуть.

– В каком качестве?

– Ты же людей видишь. Вот и поможешь. Я вашу контору по оперативной информации проверять буду. Якобы. А ты у меня объект разработки. И, само собой, главный подозреваемый.

– Спасибо, отец родной...

– Только для тебя.

2.

Она открыла сразу. Ну и чувырла, отрешенно подумал Виктор. Человек из такого органа мог бы и получше выбрать. Впрочем, пардон, он давеча плакался, что сам был выбран. Брачный выбор, это точно. Вообще-то, при нормальных люксах, она ничего, даже очень даже... Темно что-ли в прихожке? Не просто под низ сойдет. Такую можно и прилюбить чутка. Без языка... Фу!

– Вить, а ты ничего не забыл? Всю уже мысленно излапал и не только по лицу видно. А поздороваться?

– Здравссте-здрасте... Я от Константина Андреевича. Мы были знакомы в эпоху полового созревания.

– И, судя по тексту, ты не сильно изменился. От предков кроманьонцев. Созревание затянулось, я так понимаю? Эй, ты меня, правда, не узнаешь?

– У меня абсолютная память, мадам. Не имею чести. Впервые вижу.

– Чести у тебя и не было никогда. Занять пришел? У мужа её до много. Ноль пять хватит, посуду давай...

– С каких это пор честь в пол-литрах меряется?

– У тебя, Витенька, она подозреваю в больших емкостях востребована, но чем богаты... Я «Натуля-красотуля, дай полтинник до вчера»!!!! Вспомнил?!! Всегда же кричал, когда долг отдавать, что любишь и только, естественно, тебя. Ну, имея в виду действительно тебя...

– Да, узнал- узнал... Просто полтинника с собой нету... Или можно уже забыть?

– Ты о каком из сотен полтинников ведешь рассказ?

– Слушай, я не видел тебя сто лет. Какие деньги?! Как вы с Костяном? Где молодежь? Давно он твой раб?

– 6 лет. А молодежь на старости лет, но будет. Может, конечно, и не от Кости, но родю.

– В 38??? Молодец! А что не так с генофондом от майора ФСБ? Ты же на всех углах кричала о своем нереальном счастье? Или это про меня?...

– Про коня. Он мой. Просто Тотошка. Последнюю будку отдаст. Но веришь, какой бред, последнее время, когда разговариваем, всегда ахинею несу. Или из него идиотизм плещет. Понятно – обиды, упреки. Как бы вот. Даже речи заранее пишу, чтобы говорить четко. Учю. Нет, это барбосище, обязательно тявкнет невпопад и все опять в анусе!

– Тотошка. Мягко напомнил Виктор.

– Ну да, неважно. Из той же оперы. Да и ним что-то. Как опущенный. Глаза боится поднять. Я даже обрадовалась, может, изменил, наконец?! Хоть тема бы была...

– Не, он точно тебя любит. Ты себе не представляешь, каких он ради тебя мужиков бросил.... А сколько!!!

– Дай адресок, может мне сгодится?... Я брошенных страсть как люблю... Они такие неистовые..

– Ага. Сейчас, в штанах поищу, где-то внутри затерялся...

– Оставь свой потерянный с адресом себе. Не женат небось, адреса ох сгодятся...

– Слушай, Натуль...

– Полтинник не дам! Вообще не дам!

– Дура, я про счастье семейное. Твое, между прочим. Я тут думал-подумал и выдумав, представил. А может тебе с ним молчать просто? Или ему. Или всем. И всё. Благорас- творение воздушных. Мир, любовь и красивые, как я, дети...

– Дурак! Вот твоя папка!

3.

Перельман Перельманович... Свесив ноги с качелей, Виктор молча посмотрел на трупы из папки. Рядом качалась дочь и очень довольная, увлеченно вела диалог о школьном криминале. Впрочем нет. Монолог. В умении вести диалог в форме монолога мужикам нет равных, вяло думал Виктор. Это здорово. Она уверена, что я всё понимаю и проникаюсь. Мне убаюкивающе..Ёлки-волки, надо хоть головой че-

рез раз кивать и глаза таращить. Хотя так лень... Между тем, перечень преступлений знакомых Алинки рос, как снежный ком. Эта сводка явно тянула на то, чтобы затмить подлые деяния всех негодяйских чудовищ прошлого и будущего. Главные герои её повествования поражали своей последней стадией бездуховности, морального падения и абсолютным отсутствием гражданской позиции. Очевидным являлась их острая умственная недостаточность и вопиющий космополитизм. Оставалось только повеситься, ибо жить в этом мире не представлялось даже в фантазиях. Перед этим, само собой, выпив отравы, утонув и застрелившись. Даже интересно.

– И чо он?

– Папа, нельзя говорить чо.

Мелкая возмущенно поправила очки и продолжила.

– Так и не отдали мне жевачку. А я её жевнуть может только на перемене

успела. Саша ладно, а остальные-то зачем?

– Уголовники просто... Как жить..

– Так и потом ещё и он виноват, когда отбирал у них. И мне кричат, что из-за

меня у них куртки грязные. Я не дала им туфлю.

– Зачем?

– К спине на следы приставить. Что я дура совсем.

– Я так понимаю, отпечатки бы совпали.

– Я на них случайно наступила, когда Саша боролся.

– Н-да...

– Да! Так и не отдали жевачку!

– Жвачку, грамошная..На. Матери не говори. Кофе будешь?

Это был их маленький секрет, который они умудрились хранить, при всем своём растрепайстве, уже два года. Кофе Виктор варил слабый, но ароматный и Алинка быстро сделала выводы, что усиливает её интеллектуальное превосходство в битве с бабушкой и уроками. Хотя, маленьким нельзя, в голове у папы засела крамольная мысль, что один наркотик у каждого должен быть. И учитывая чудеса современной химии и великое многообразие продуктов разгона...К черту. Пусть кофе пьют.

После второго развода, пока неофициального, Виктор, как он сам о себе думал, стал ну очень много проводить времени в философских размышлениях о семейных ценностях. Назовем их так. Ну да..Красиво и благородно. Лишний раз подчеркивает обыденную великость и непритязательную значимость трудного в своей простоте процесса воспитания. Прямо запишу. Во я какой! Один и самый лучший. Во веки веков. Как трудно быть Богом каждую секунду. Особенно мне. Да. Где я дел свои медали? Ладно, за Алинку нобелевка точно будет. А уж за тех кого не родил...

– Пойдем?

– Завтра придешь?

– Кто у меня любимая дочь?

– Единственная!

– Ну, вроде да... Иссессенно приду. Куда от тебя денешься.

4.

– Ты знаешь, от детей бывает польза. Мелкая раскрыла твоё дело.

– А подробней?

– Посмотри на фотку в четвертом деле. НЕ БЫЛО ТОГДА ТАКИХ жевачек. Она, как вешдок, туда попала с дури. Я, помнится, всю башку сломал, что мой глаз соколий где-то цапнуло, а вчера она меня выгуливала и просветила. Я старшему тогда другие покупал. А это новая модель жевачков.

– Подумаю, спасибо. А собственные гениальные озарения в наличии отсутствия?

– Прям зарделся. От вашей конторы спасибо, да по темечку. Собственные прозрения пока дремлют.

– В запое они у тебя. В творческом – поспешил смягчить Костя. Но ты же у нас всегда был извратом, подумай, откуда это и к чему.

– Делать больше нечего. Это, как вы, которые там, изрекаете, чисто оперативная работа. Я вам и так на блюдечке. С окантовочкой...

– Ладно, может ты и прав, но все ж таки. Дело пусть пока у тебя, только не посеи и не показывай никому. А то обрадуешься талантам мелкой, всё ей спихнешь... И поеду я вместо Москвы на дачу. И той нет.

Виктор не слышал. Ему было прикольно представлять, как мелкая на перемене с лихими одноклассниками вместо банальных разборок на раз решают все висяки. В стиле «Что, где и куда». А теперь, внимание, самый правильный ответ... Стоп.

Кое-как распрощавшись и присев в сквере напротив церкви, открыл долгожданное пиво. Странно. Человек, доказавший такую фигню на столько лет раньше, как бы не дурак. Предположим. Или дурак и так накосячил, но тогда имеет доступ к вещдокам. Или нарочно, чтоб мы, тьфу, сыскари мозги сломали. А вот интересно, можно сломать то, чего нет. Или ну очень простые мозги? Самое простое ведь и самое надежное. Ладно, это их хлеб. Разберутся. А вдруг просто кто-то не успел при начальстве выплюнуть и спрятал в первой папке попавшейся? Страна то с фантазией. Пойду развеюсь. Виктор неспешно направился в контору, где раньше работал. Там обосновалась одна мутная фирма, впрочем с очень приличным шефом и персоналом из двух богем, с которыми было приятно тупо поржать. Надо всем. Считалось, что он воздыхатель одной и почитатель другой. Учитывая запредельные доходы и нахождение этих богинь в параллельном, а возможно, даже в перпендикулярном мире, это было теоретически невозможно. Но они искренне (кажется) ему благоволили и считали своим. В этом измерении. Контору в очередной раз реформировали и сокращали, учитывая, что от прежнего состава остались только начальник, вахтер и пёс

Гоша, дела шли в гору. Даже очевидно просто бежали рысью и напрямик на Эверест. Хозяева конторы были вояки, очевидно, стране было позарез нужно новое оружие. Путем обрезаний и оптимизаций вообще всего, на пару ботинок изнашиваемому от службы Родине часовому хватало с избытком. Кивнув ему и пожав руку играющему в покер лейтенанту, он с волнением вошёл внутрь почти военного городка. Виктор боялся. Не сильно копаясь в своих дремлющих чувствах, и не желая понимать очевидного... в общем, Инна ему всё-таки нравилась. А узнать, что она в очередной раз выходит замуж было невыносимо. Ходить стало бы пусто. И бессмысленно, как минимум. Чужое счастье, отобранное из мечты, вызывает обиду, легкое раздражение и желание убить весь мир. Он любил ходить сюда еще и потому, что в своё время, после мордобоя в дирекции на прежней работе, почетных проводов по статье и отсутствия всяческого ИТР-го будущего, начальник его взял. Именно ИТРом. И не сказал ни слова. За редким исключением и люди подбирались домашние, свои. Даже и уйдя, заходили просто так, для души. Где она, это дверь Пандоры? Вдруг ведь женилась за два дня? А я вот тут дело раскрыл... Аванс только в четверг, хотя шоколадка вот она, пробьемся...

5.

- Ни фига у нас нет. Майор был весел и счастлив.
- То есть вообще полная обнаженка, в смысле голяк?
- Именно потому что.

– Дармоеды чертовы. Да я вам всё раскрыл, там делов-то. Найти и задержать.

– Действительно. Может, потратишь часок, сделаешь за нас до конца. Логического.

– Я хулиганов боюсь. И киллеров недолюбливаю. А наручники вообще только в секс-шопе лицезрел...

– С наслаждением небось... Я тебе подарю. Нет, правда, что делать-то?

– Это ко мне вопрос? Кто из нас в органе?

– Вить, органам в моем лице очень тебя надо. У тебя всегда самые передовые идеи. Свежего разлива.

Виктор задумался. Ему странно интересным вдруг показалось сделать их всех. За непутёвую жизнь. За два развода. За родину-мать. За развращение пенсионеров. Сколько тостов пропадает... Ладно, Костику порцию лапши одноразовой, на сейчас. А дома подумаем. Вдруг получится...

– Слушай, а наш грозный супротивник, получается типа самый умный?

– Ну, явно да.

– Ну дак вот. К черту под хвост эту английскую дедукцию. Мы люди очень простые. Возьмём его методом самой русской индукции. Тупо проверь всех умников. Их у нас очень сильно немного. И, само собой с меня бы начать надо, но я считаю, что невиноват. Лично мне так кажется. Верю я себе.

– То есть меня в этом списке априори ...

– Молодец. Даже не предполагается. И не планировалось.

И раз там эта теорема хитровывернутая, начни с докторов наук и прочих математиков. Институты в нашем героическом городе кот наплакал. Препонов умных отродясь не было. Помнишь ведь. А ежели и есть таланты неучтенные, так всё в альма-матерях и выяснишь. Он явно не Перельман, раз столько дел натворил. Жалко его. Хороший он чел по жизни. И пусть бы мы его не поймали. Нет, поймали, а ты всё получил, а он убежал...

– Мне звание нужно. В Москве и с квартирой. Хотя, раз просишь, то письмо напишем благодарственное. С цветочками и сухариками. А может все ж таки и меня проверим. Вдруг я майор-оборотень?

– Свербит, что не удостоенный быть подозреваемым? Учиться нужно было как положено, а не в карты на лекциях играть.

– Я никогда не играл, чего врать-то! Не умел потому что.

– Правильно. Мы у тебя на спине играли, пока ты дрых. А то стал бы академиком...

–Сам ты Перельман!!!

6.

– Четверых отобрали. Самых-пресамых подозрительных. Генералище допрос будет вести, собака страшная.

Они сидели в душном кабинете. Костя был неоднократно убит. Еще бы, все, что нажито непосильным, теперь неродному дяде. Наглому, старому каннибалу, тоже рвущемуся в

Москву и, очевидно, в фельдмаршалы. Медалёв повешают, как породистому...

— Слушай, а у Вас хотя бы простые маршалы в вашей конторе на три буквы есть?

— Нет. И пошел ты.

— Тогда не мешай ему, пусть рулит. Не тех вы смотрите.

— Ты же сам сказал, самых эдаких. Умнее в городе нет. Так ещё до кучи и спортсмены и стрелки, наверное.

— Я так думаю, самое главное для ваших умов, что у них алиби на последнее злодейство нет.

— Ну, и это тоже.

— Не то. Пусть мордует. Своего любимого подозреваемого он уже выбрал. Пусть до пенсии играет. А я, когда ЕГО найдем, сам в столицу приеду и скажу самым вашим руководителям. Что не доверял ты никому. Утечки боялся. Ввиду того, что он, негодяй наш непойманный, как бы не информатора здесь имел. Всё.

— А почему не они, скажешь?

— Нет. Не знаю, почему не они. Знаю, что просто не они. Да, умки и олимпийцы, но и всё. Простодыры. Нет в них коварства Мориартиевского.

— Как у тебя?

— Я добрый и ленивый. Просто мозг. А ещё очень несчастный. Ввиду того, что у меня есть такие друзья...

— Дважды пошёл. По обоим адресам. А мысли?

— Я предлагаю. Никого не искать, так как можем и не най-

дем. Главное, здесь тебе чемоданы в центр собрать. Звездов добавить. Отцом сделать. Зазноба твоя на раз от тебя родит, от такого перспективного.

– Трепло. А как сделать-то, интриганище практичное?

– Да очень просто. Но придумать бы надо.

– Да, еще как бы... – майор замялся.

– Не знал, как сказать, но шеф спросил, на каких основаниях ты здесь околачиваешься. Я сказал, что ты ничего именно про сейчас ни-ни. Просто материал для очередной книги собираешь. Очень известный блогер. Публицист. В нешироких кругах, но со связями. И залогинил тебя. Вчера.

– В базе непойманных уголовников?

– Дурак. На прозе .ру. Стихи.ру. Больше не успел.

– Где??? И что я написал?

– Ну, стихов просто кучу, так, бред откуда-то нахватал. А прозу тока два. Одно у бати спер, а другое ты и пишешь по легенде.

– Охренеть. Я в слове «я» три ошибки сделаю. А слог, а мысли глубинные? Как я перед генералом лепить-то буду? Пафос там, гипербола...

– Параболу!

7.

– Товарищ майор, а можно всех посмотреть?

– Мы такого рода услуги дешёвым инженерам не оказываем. И у тебя денег нет.

– Думаешь, были бы пришёл?! Я ФСБфил.

– Ты граф дэ-бил. Знаешь, что сейчас за оскорбление государства в виде меня? Два года будешь крапиву со снегом есть. По сезону. Справишься? Их ведь около семнадцати человеческих единиц. Готовься на четверг. И вот тебе повестка, прогульщик. А на что смотреть-то будешь?

– На особенности человеческих организмов. Это вам доказательства и показания иногда бывают нужны. Я негодяя буду выбирать по любви. Вот какой сердцу глянется, того и.

– Женись ещё на нем. До суда успеешь.

– А может я замуж хочу? Ни разу не был... И вообще, я один всем жертвую, а вы только ордена огребете.

– Так огребём, что не унесем. Помощник правосудия тоже мне.

– Довытыкиваешься. Уйду от вас к другому. И останешься членом клуба.

– Какого?

– Помоги себе сам.

– Хрен ты теперь уйдёшь. Тебе самому интересно. С ума, поди, сходил от скуки, а тут тебе такой экшэн многосерийный. Да вживую.

– Погонь мало. И мордобоя.

– Погонь обещать не могу, а со вторым с нашим удовольствием. Сходи ночью в парк.

– Я же теперь известный писатель, тебе дело скинут. И совесть загрызет.

– Совесть это непрофессионально. Зато ты отмучаешься.

А я на тебя всё и закрою.

– Только просьба. Ты их назначь на одно время. И помуржь полчаса. Вы же умеете страха нагнать. И ещё. Можно я буду иногда улыбаться?

– От счастья?

– Нет, реакция нужна.

– Ты свою улыбку давно видел? Они тебе неотложку вызовут. И меня прицепом.

– Моё зеркало меня хвалит. А от моего утонченного лица в восторге.

– И давно это у тебя? Раньше ты только пил с ним. Ругаетесь часто?

– Оно меня одобряет во всём. У меня доброе зеркало. Хочешь на время?

– Не хочу разбивать твоего друга. Постригись.

– Сами выпадут.

8.

Боже мой, сколько потенциальных обвиняемых! Как это здорово, что есть из кого выбрать. Не заморачиваясь процессуальными нормами. Не думая о каких-то там законах. Вообще ни о чём не думая... Не-не! Это я в генерала превращусь. И всё равно... Кого хочешь. На любой вкус...

А теперь смотрим. Зорко, и по возможности – пристально. Они всё просто обязаны нервничать. Хоть чутка. Второй раз подряд, ни с того, ни с сего. В таком обществе вообще

неуютно, вдруг виноватый рядом сидит с автоматом в штанах. Это нормальные. А он же, который наш, будет просто убийственно спокоен. И даже, может, не внешне. Он не вшивый актер. Он режиссер театра. Со стажем, с убеждениями. И уже сто лет ко всему готов и всё решил.

Не, не эти. Рожи блудливые, но поразительно честные. И не эти – тока наука, дом и семья с тещей.

И уж конечно, не вон тот, так даже я не пил. Может эти двое? Тоже мимо, просто, по ходу, не выпались. Ну кого там еще принесло? Не видите, я занят. Кладите своё тело и не мешайте придумывать. Высокий черт. Заценим, заценим... Нет, ну это ни в какие двери! Хамство какое! Узрите чудо! Скучно ему, видите ли! На меня смотрит. Улыбается. Сейчас майору нажалуюсь. Я должен улыбаться! Я тут самый главный! Где-то видел его. Одет вроде дорого, хотя откуда мне-то знать. Ладно, на наш уровень... Носки, сколь видно, не дырявые, пахнет чудно, но неплохо, голова чистая, одежда без дырков... Бельё ещё посмотри! А и посмотрим! Ужо мы с майором всё поглядим. И тут входит генерал... Да. Пойду от греха, в кабинет, у Костяна чем-то вкусно из сумки пахло...

– Проходите, проходите. Таким майора Виктор еще не видел. Откуда что появилось? Стока обаяния, да тут не захочешь, а признаешься. Рука не поднимется набрехать этому ангелу. Виктор почти поддался этому порыву и почти не стал брать последнюю плюшку. Но опомнился. Майор с отчаянием в глазах проводил в последний путь этот шедевр кулина-

рии, показал исподтишка кулак старому другу и продолжал:

– Тут понимаете, какое дело. Просто нестыковочка. У нас по документам получается, что вы в указанные годы числились на четырех работах. Должно быть ошибка.

– Нет, не ошибка. И сейчас работаю. Только уже на пяти.

Виктор полностью контузился. Он-то, по возможности, всегда именно числился. Учитывая зарплату, это, конечно, было более чем оправданно, но простите, чтобы на пяти! Ладно бы даже на четырех... Наверное, можно как-то понять. Хотя представить, в принципе нельзя. Проще с ума сойти. Верблюдище жадное. Гони его майор, он не русский человек! Да еще и высокий. Где же я его видел, уж очень знаком...

– Ну как тебе? – Костя с плохо скрываемым ожиданием смотрел прямо в душу.

– Смотрины прошли. За кого пойдешь? Кто по сердцу люб? Выбрал себе красна сокола?

– А соколов больше нет?

– Больше всё. Рынок кончился.

– Тогда думать надо. Напрячь процессоры.

– Завтра к генералу, не забудь. Впрочем, заеду лучше, проспишь собака.

– Породистая?

– Редкий помойный тип. В единственном экземпляре. Ошейник не забудь.

Да. Это он. И по-моему всё догадывается. Надо вспом-

нить, где его видел. И запрячь. Пусть помогает. Чего это я один за него его ловить буду? Приличный преступник должен сам активно помогать в своих поисках.

9.

«— Почему ты, Витюша, любимец мой, так не любишь, увы, человечество? Может только лишь местное, с выбором, иль душа не лежит к повсеместному?

— Да я социо пат видишь, Господи. Что ж теперь, целовать мне их нехотя? Да в места, твоим словом запретные? Я ж не против их жизни. Впоследствии. Ну конечно, в пределах разумного.

— Обратись к мозгоправам, ко мне приди. Будешь счастлив тогда ты немеряно.

— Ну тогда уже буду совсем не я. Счастлив будет другой, я в прошедшем дне.

— А зачем помогаешь ты мытарям? Ловишь скорбного воина честного. Пусть он зло сотворил, но по-доброму. Многих люд от напастей избавимши.

— Коль заметил ты, там одна игра и из воздуха сети те сотканы. Те капканы из слов и не более. Не помогут они жадным стражникам.

— Что ж мне делать с тобой, чем помочь тебе? Наделить тебя силой волшебною?

Человеческого счастья толику. Иль талантов безмерно невиданных?

– Ничего не приму, ведь не надо мне. Ты со мной, остальное, как сложится. Хотя нет, постой. Сто рублей с утра. Мне, прости, со вчера так не может... »

Виктор проснулся. Под щекой лежало 100 рублей. На дорожку. На два с половиной дня. Очень накладно иметь дочь в десять лет. А ведь она ещё, дай Бог, дальше возрастет. С запросами в пропорции.

Нет, приснится же такой эпос. Не пил ведь, абсолютно. Вот она моя купюровка. Пока моя.

Долго ждал кофеварку, которая, оказывается, плохо готовит, если ее не включить. Нож не хотел резать, тарелки где-то извазюкались. Даже золотые прежде руки были просто на удивление кривые, и Виктор заинтересовался в зеркале, откуда они сегодня растут. Кончился сахар. Хотя, стоп, я ведь без сахара всегда пью. Со вторника. Ну ладно, Скотленды провинциального разлива, уж я вам всем и всё.

Позвонил отключённый телефон. Да... С вилок на «Армату». Уровень. Технически подкованный вид человекообразных. Зависть -поганка.

– Слушай, а может мне к вам на пол-ставки. Я вам рапорты писать буду. В стихах...Зачитаетесь ведь. Протоколы допросов любимым читать при луне будете. Акты вскрытия.

– У нас дураков не берут.

– Конечно. Вы ими потом становитесь.

– А ещё ты неблагонадёжен и машина у подъезда. А сегодня у нас выходной, ждать не буду.

– Это у вас выходной?!! А мое величество, может от усталости, после кипучих трудов, еле на ногах держится.

– Знаем, мы, отчего такие недоделухи с ногами не дружат. Нет вопросов, ваше святейшество, сейчас до выяснения задержим, поживете у нас, в номерах. Я вас, очевидно, вообще первый раз вижу. Комнату обобщем, полы вскроем. Потом извинимся.

– А поцелуете?... Туда...

– Нежным прикладом. Как раз вот именно где-то в том районе, где так вожделеешь.

– Спешу к тебе, о мой Офелий!

10.

Генерал был потясающе интеллигентен и умен. Как он сам о себе думал. Виктору было странно. Его мучил вечный русский вопрос. Нахрена? А-ля анти-Гамлет, если вдуматься. Ну, тот плохо кончил, мы, стало быть, сдюжим, у нас нету мотивации. Никакой и в принципе. Ладно, понеслась.

Хозяин всея безопасности отечески, брезгливо и настороженно разглядел-таки в Викторе, то, чем он был на самом деле, но как профессиональный Штирлиц, решил не размазывать одномоментно по линолеуму, а растянуть и упрочить победу. Над здравым смыслом и в назидание потомкам с так называемыми коллегами. Но Виктор был быстр и инфантилен.

– Я, Александр Васильевич, абсолютно не хочу ничего знать о ваших делах. То есть в принципе. Это служебные ве-

щи особой секретности. Мне, я уверен, вы в курсе нашей специфики, необходимо уловить только фон вашей работы, духовный цимес, суть будней, так сказать.

Запах ещё его улови, подлиза дешевая. А «фон» перед именем приставь. Можешь и ботинки заодно чистануть. Он тебе ещё столыжник даст, до конца недели хватит.

Генерал был озадачен, но расслабился и стал милосерден. Что и требовалось доказать.

– Я с удовольствием, Виктор, почитал и стишки ваши и, в общем-то, прозу.

Значительно, весьма тронуло, я бы даже сказал, зацепило. Профессионально, очень сильно. Я бы потом на досуге попросил бы вас пояснить мне там пару мыслей.

Вот черт, чем он там проникся, самому себя читать теперь придется, майор, небось, такой лабуды понапихал, валенок деревянный.

– Очень, очень рад, вы меня просто в краску вгоняете, мне действительно льстит именно ваше внимание, впрочем, Константин Андреевич, заранее рекомендовал вас как человека очень высокой культуры, поэтому приятно вдвойне. Я с большой теплотой отношусь к людям, которым не безразлична духовная жизнь нации и для которых такие понятия, как культура и искусство являются неотъемлемой частью бытия.

С теплом, это мягко. Чтоб ты сгорел, буратино старый. Делов-то: разрешай или посылай. А я пойду. Или тоже пой-

ду. Чего канителить.

Генерал, наконец, произнес свое послание ближним. Он великодушно разрешил по телефону, а потом повторил Виктору на словах, что никоим образом не против, а только за помощь популярным писателям или как там еще их называют. Чувствовался, конечно, некий осадок, от несостоявшегося отказа-унижения, но не разрешать наблюдать за аурой расследования нельзя, если не понимаешь что это и, по правде говоря, сомневаешься в существовании этой ахинеи вообще.

Потом пили служебный чай и очень думали, как жить дальше.

– Ты хоть распечатай мне мои книги. Дай самого себя-то пролистать, У меня нет компа-то, и инет кончился. Я разведенка и бомж общаговский. А ты как царь, влетим ведь.

– Не парься, ты хорошо пишешь. Шефу понравилось. Только про меньшинства много конечно. Больная у тебя это тема.

– Про кого??? Дай пистолет поиграть...

– В бирюльку поиграешь, смотри аккуратней, а то отвалиться... Придумал чего?

– А можно на эти места съездить?

– Это же леса всякие за городом.

– Именно что. Грибы пошли!

11.

Не зря съездили. Теперь даже до зарплаты дотяну. Пусть

майор орет, грибов-то мало набрал, а я его жене уже доложил про свои два пакетища. Надо было про три наплести. Но так жаль друга...

Интересно, он заметил, что всё было в местах, где днем всегдалюдно, а ночью туда просто не доедешь. Нет. Это я лошарю. На маршрутке конечно не доедешь. В переполненном лайне. Да... Придется за два места платить... Значит машина у него есть. По фоткам – грязь, значит проходимое что-то, лично-служебное. Следов много и женские даже есть. Или всей семьей общество чистили, или с собой другую обувь носил? Ну и ладно.

Виктор был божественно сыт. Упоительно. И соответственно, счастлив. И было не просто утро, а утро с двумя выходными впереди. Как все утонченные эстеты и ценители прекрасного, он завсегда опохмелялся около Художественного музея. Это вдохновляло и облагораживало. Конечно не всех, здесь всё-таки требовался определенный уровень культуры. Виктор не сомневался в наличии её у себя с момента зачатия. А сегодня и давно, он даже не пил. Это было странно для русского человека из пролетарского общежития, но тридцатилетнее проживание в нем он считал временным. Он обязательно найдет деньги, так как их обязательно кто-нибудь потеряет. Его костерили все знакомые за то, что всё бездарно отдано и переписано на детей, но за удовольствия надо платить. Тем паче, удовольствия были похожи на папку и в принципе, ими можно было даже гордиться. Да еще от

разных мамов. Что не от папов, вроде бы видно.

Так, а вот и явление главного героя народу в нашем скромном лице. То-то я сразу понял, где видел, когда от майора выходил. Только два дурака в этом городе на Айвазовского так часто ходят посмотреть. Каков мой подозреваемый-то! Супер! Не то что у этих. Приличного обвиняемого уже подобрать не могут.

А профиль! Дак это помимо званий, наград и регалиев всяческих! Благотворительность опять же... А, кстати, на нужды детективов отечественных не изволите ли отстегнуть? Будьте любезны. Да, нет, извините не дебил, я просто так выгляжу...

Они встретились снова. У тех же полотен. Виктора очень забавлял их как бы обычай раскланиваться. Но маханием головой дело сегодня не ограничилось.

– Простите, я вас видел недавно, вы действительно ТАМ работаете? Просто вы не совсем гм... похожи на этот тип людей.

– Нет, что вы. Упаси господь. Просто чай пил с другом детства. Он меня часто лупил в то счастливое время. Так я стал его другом. А он майором. Позднее.

– А вы, извините?

– Я – Виктор!

– ???

– А! Как бы инженер. Без наворотов.

– А направление?

– Ну, всего понемногу. А вы?

– Небольшой бизнес, преподаю. Ничего особенного.

Рожа буржуйская. Это я абсолютно ничего особенного. Хотя и труженик, возможно. Даже вероятно.

– Для людей вашего круга и нашей отчизны у вас необычное хобби. Или прицениваетесь? Берите оптом весь зал. Со старушками я договарюсь.

– Поверьте, мы не уйдем. Они последний оплот культуры и глядя на них я спокоен.

– Всё более примитивно, – напыщенно заявил Виктор.

– Просто в существование денег больше пенсии или зарплаты никто из них не верит. На белом свете не бывает таких денег. Мало ли что по телевизору показывают. А вот лишиться того что есть можно. Поэтому они априори неподкупны.

– Может быть. А вы тоже полюбоваться?

– Нет. Позавидовать, что так никогда не смогу. Какая синь...

– Верю. Только я дальтоник.

12.

– Это была шутка. Я просто его дальний и не совсем законный потомок.

– А я сразу понял. У вас лицо умное и внешность.

– Ну, вы... Тоже как бы... Соответствуете.

Попробовал бы я не соответствовать! Всё бы дяде Косте слил. А остальное додумал. Высокохудожественный вымысел.

сел в доказательстве вины у нас никто не отменял.

– Внушаете что-то, в общем. Н-да...

Уж это к бабке не ходить! Моя бывшая всегда говорила, что внушаю я только комбинацию чувств сожаления и отвращения. А также желание уйти в многолетний запой сразу после осознания оных. Ладно, проглотим, нельзя ссориться.

– Вы как хотите, а я всегда после музея себя даже физически лучше ощущаю.

От впечатлений. Ну, и чувств само-собой.

– Позвольте поинтересоваться, каких именно?

– Не могу сказать, не задумывался. Но, вне всяких сомнений, что-то прекрасное. И как бы выразиться... В общем, пока не осознал.

Придурок, вы с ним здесь уже лет десять встречаетесь. А ты всё осознаешь. Выворачивайся теперь, раз извилины дома оставил.

– Я бы даже сказал, что не то чтобы непонятное. Нет. Я даже и не хочу это анализировать. Я человек простой. Критерий один – нравится – не нравится. А здесь – раз! И еще один. **ОЧЕНЬ** нравится.

– Какая любопытная оценка... А зачем вы так часто пьёте чай? Просто окна моего офиса напротив этого нужного учреждения. Раньше я вас там не видел. За последнюю неделю – ежедневно.

– Хорошо. Только вам. Я очень секретный агент. Так-то я в Моссаде и ЦРУ, но, бывает, и нашим помогаю. Когда МИ-6

попросит. Да нет, просто совпало так.

– Вы подумайте получше. Я дам вам несколько минут. Для более убедительной версии. Моим студентам хватает. Справитесь?

– Не вопрос. Но я уже придумал. Я помогаю решить давнему товарищу его личные проблемы. И оказываю психологическую помощь. Путём лёгкого ненавязчивого трёпа.

– Вы благородный человек. Может быть, я смогу чем-то помочь?

Поймать пытаешься? Меня? Получай...

– Сомневаюсь. При всех ваших гипотетических связях даже вам это не под силу.

Он сыщик от бога. На днях распутал просто на раз, кучу всяких дел за двадцать лет. А в майорах так и помрет. И жена из-за этого уйдет. И в столицу уедет его злобный, плешивый начальник. И я не знаю, чем помочь. Я никто. Здесь реальная помощь нужна, а не моё словоблудие. Ну как, ваш уровень?

– Мой.

13.

Виктор молча внимал основам житейской мудрости. Таких вершин познания самому было уже не достичь. В такие глубины мысли он опасался нырять даже в эпоху расцвета собственной личности. Впрочем, вранье, расцвет еще и не думал начинаться, не может никак решиться, что ли? Надо хоть прислушаться, что там молодое поколение пытается вложить в мою бессмертную душу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.